

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ПОЛУ-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАБЛЮДЕНИЯ**

Препринт WP3/2018/03

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва

2018

УДК 330.1
ББК 65.01
К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И.

К20 О современном состоянии экономической науки: полу-социологические наблюдения*
[Текст] : препринт WP3/2018/03 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 28 с. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 80 экз.

В работе анализируются новейшие социологические и эпистемологические тенденции в развитии экономической науки. Автор приходит к выводу, что ее современное состояние нельзя назвать ни кризисом, ни триумфом. Скорее это обычное для любой развивающейся научной дисциплины рабочее состояние, хотя и не слишком вдохновляющее, если учесть, что эпоха новых крупных теоретических идей для нее, по-видимому, миновала, что со временем ее крен в сторону атеоретичности будет только усиливаться и что чем дальше, тем все более интервенционистской она будет становиться.

УДК 330.1
ББК 65.01

* Настоящий текст представляет собой переработанную версию доклада, представленного на XVII ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения» «Экономическая теория: триумф или кризис?» (Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2018 г.).

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Капелюшников Р. И., 2018
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2018

Великая рецессия 2008–2009 гг. послужила спусковым механизмом для появления необозримого множества публикаций – как в масс-медиа, так и в академических изданиях – на тему провального состояния современной экономической науки. Ее модели далеки от реальности; она сверхматематизирована и глуха к наиболее острым проблемам, волнующим общество; она потерпела сокрушительное фиаско, не сумев предсказать наступление мирового экономического кризиса, ее рецепты по большей части контрпродуктивны, лишь подготавливая почву для еще более сильных потрясений; она расколота на несколько конкурирующих школ, которые неспособны достичь согласия даже по самым базовым вопросам; и так далее, далее, далее... С громогласными инвективами такого рода выступали не только политики, публицисты, журналисты, представители широкой публики, но также и немалое число профессиональных экономистов. Однако после того как мировой экономике удалось избежать перерастания Великой рецессии в затяжную глубокую депрессию, атмосфера общественных дискуссий заметно изменилась и зазвучали иные голоса. Экономической науке стала приписываться главная заслуга в том, что события не стали развиваться по наихудшему сценарию: экономисты хорошо выучили уроки Великой депрессии 1930-х годов и это позволило им предложить такие меры государственной политики, благодаря которым угроза всеобщего экономического коллапса была успешно предотвращена.

Напрашивается естественный вопрос: так с чем же все-таки мы имеем тут дело – с глубоким кризисом, как думают одни, или с триумфом, как полагают другие? Должен признаться, что не слежу за специальной литературой, в которой анализируются и оцениваются текущее состояние и новейшая эволюция экономической науки. Все, что я могу предложить, – это поделиться субъективными наблюдениями, что, как мне кажется, наиболее значимого и примечательного происходило в ней в течение последних десятилетий. Само собой разумеется, что такие наблюдения по определению фрагментарны, выборочны и пристрастны. Понятно также, что в поле зрения отдельного исследователя неизбежно попадает лишь узкий сегмент современной экономической литературы, а вопрос о том, в какой мере допустимо переносить оценку положения дел в том или ином разделе теории на всю нее в целом, всегда будет оста-

ваться открытым. Хотел бы поэтому сразу предупредить: предлагаемые заметки – не академическое исследование со всеми положенными ему атрибутами, а что-то вроде «путевых впечатлений», не претендующих на строгость, системность и полноту. Я решил назвать их полу-социологическими, потому что говоря о состоянии современной экономической науки, попытаюсь отталкиваться от некоторых очевидных, но важных характеристик ее функционирования как определенного института, как определенного социального феномена.

Немного социологии. Пожалуй, наиболее фундаментальный и многое определяющий социальный факт состоит в том, что сегодня в «индустрию» по изучению экономики вовлечено астрономически большое число участников. По некоторым оценкам, в настоящее время экономисты намного превосходят по численности преподавателей прочих социальных дисциплин, уступая только психологам. Массовизация экономической профессии имеет несколько важных следствий.

Во-первых, в таких условиях резко возрастают роль и значение формальных критериев и процедур. Этот сдвиг представляется абсолютно неизбежным, когда нам приходится иметь дело с гигантской анонимной массой потенциальных авторов и непрерывно растущей конкуренцией между ними. Безудержный, усиливающийся с каждым годом рост «формалистики» наблюдается на всех стадиях учебного процесса, на всех стадиях исследовательского процесса, на всех стадиях публикационного процесса (вплоть до выдвижения жестких требований к построению научных статей). Разного рода индексы и рейтинги рассчитываются сегодня для университетов, для журналов, для отдельных исследователей; с ориентацией на них осуществляется финансирование экономических разработок. Неочевидно, однако, что эта прогрессирующая формализация всего и вся является нейтральной с содержательной точки зрения. Мне, например, трудно представить, чтобы сегодня где-либо могли быть опубликованы такие неформатные работы как статьи Р. Коуза. И даже если бы они все-таки появились в каком-нибудь третьеразрядном журнале, никто, я уверен, их не заметил бы и коузовские идеи остались бы невостребованными.

Во-вторых, «многолюдство» экономической профессии ведет (и уже привело) к изменению ключевой социальной функции академических журналов. Из средства распространения научной информации они фактически превратились в инструмент сертификации качества научной продукции. Сегодня между появлением работы и ее журнальной публика-

цией нередко проходит семь, восемь и даже больше лет. За это время авторы успевают выступить с ней на нескольких конференциях и не один раз опубликовать ее в виде working paper. В результате, когда она появляется в каком-нибудь журнале, ее основные идеи и результаты могут быть уже давно и хорошо известны всем, кто работает в той же области исследований. Финальная публикация означает просто присвоение знака качества. Это важно, потому что в современных условиях «сертифицированные» и «несертифицированные» работы отделены огромным зазором, если не пропастью. Можно сказать и так, что публикации в ведущих журналах выступают прежде всего тестом на принадлежность к мейнстриму экономической науки.

В-третьих, благодаря массовизации экономической науки в ней сложилась ситуация, которая номинально выглядит как ситуация «расцвета ста цветов». Любой самый крошечный раздел анализа, любая неортодоксальная школа обзаводятся собственной ассоциацией и собственным журналом, а подчас несколькими ассоциациями и журналами сразу. Свои журналы есть у экофизики, биоэкономики, социоэкономики, эволюционной экономики, австрийской теории, старого институционализма, посткейнсианства, школы public choice, марксизма, неомарксизма, радикальной политэкономии, феминистской экономики и т.д. К сожалению, при ближайшем рассмотрении ситуация «расцвета ста цветов» оказывается иллюзорной: реальный диалог между мейнстримом и гетеродоксией по сути отсутствует, причем ответственность за это, как мне кажется, лежит на обеих сторонах. Мейнстрим просто-напросто не замечает того, что делается в неортодоксальных направлениях: ведь для мейнстримного экономиста обращать на них внимание означало бы пустую трату времени, чреватую лишь снижением его публикационной активности. Что касается приверженцев неортодоксальных школ, то они, конечно, вынуждены реагировать на то, что происходит в мейнстриме, – хотя бы в целях его критики. Но среди них чрезвычайно силен и, я бы даже сказал, культивируется сектантский дух. Можно привести не один пример того, как наиболее широко мыслящие представители мейнстрима пытались наладить диалог со сторонниками неортодоксальных течений и чем такие попытки заканчивались. А заканчивались они практически всегда сверхагрессивной реакцией со стороны немейнстримных экономистов. Как следствие, неортодоксальные теории обречены вести сегодня замкнутое существование и вариться в собственном соку, образуя своего рода интеллектуальное гетто. В настоящее время они оказались почти

уже полностью вытеснены в экономическую философию и историю экономической мысли.

Но здесь мне хотелось бы указать на феномен, который никогда не обсуждается в академической литературе, но который до известной степени (пусть незначительной, но все-таки!) нейтрализует те тенденции, о которых речь шла выше. Я имею в виду наблюдавшееся в последние десятилетия бурное развитие экономики блогосферы. Некоторые наиболее открытые и активные экономисты заводят сегодня собственные сайты и начинают рассказывать на них о своих новых исследованиях, комментировать работы других авторов, откликаться на злободневные проблемы экономической политики и т.д. Что этим достигается?

Во-первых, возникает настоящий живой диалог между профессиональными экономистами и широкой публикой. Его просветительский эффект несомненен, поскольку по ходу такого диалога научные идеи начинают переводиться с «птичьего», чаще всего сверхформализованного языка, которым пользуются современные экономисты, на обычный «человеческий» язык. У широкой публики появляется также возможность заглянуть в рабочую лабораторию профессиональных экономистов и познакомиться с их новыми идеями еще на стадии разработки. Ведь замысел научной работы редко рождается сразу в формализованном виде. Очень часто новые идеи возникают во время неформальных обсуждений, которые экономисты ведут друг с другом за кофе, на прогулках, во время занятий спортом и т.п. (Так, замысел одной из знаменитых совместных работ П. Самуэльсона и Ф. Модильяни родился на теннисном корте.)

Во-вторых, когда представители мейнстрима и неортодоксальных школ начинают обмениваться комментариями в сети, реальный содержательный диалог возникает также и между ними. Здесь интересно отметить, что применительно к блогосфере ни о каком доминировании мейнстрима говорить не приходится: среди наиболее популярных экономических сайтов непропорционально большую долю составляют те, что были созданы и поддерживаются экономистами-неортодоксами. И поскольку в блогосфере обсуждения по вполне понятным причинам ведутся с минимальным использованием средств математики, мы как бы в машине времени переносимся далеко назад в эпоху, которая предшествовала нынешней всепроникающей формализации экономического анализа.

Это, конечно, не значит, что экономика блогосферы уже смогла оказать какое-либо значимое влияние на развитие академической науки.

(В некоторых сестринских дисциплинах ситуация складывалась в этом отношении иначе: например, серьезная внутренняя перестройка под действием процессов в блогосфере наблюдалась в социальной психологии.) Единственный пример, который приходит мне в голову, – это деятельность американского экономиста, лидера школы «рыночного монетаризма» Скотта Самнера. Полтора десятилетия назад он забросил академическую карьеру и завел собственный блог с целью распространения одной-единственной идеи (<http://www.themoneyillusion.com/>). Суть ее состоит в том, что темп инфляции является плохим таргетом для денежной политики и что ориентация на него способна генерировать дополнительные экономические колебания. Гораздо более надежным и эффективным таргетом, по его мнению, мог бы стать альтернативный показатель – темп прироста номинального ВВП. Не знаю, возымели ли усилия Самнера какое-либо действие или нет, но факт остается фактом, что в последнее время такие корифеи денежной теории как Б. Бернанке или Дж. Йеллен начали все чаще упоминать в своих выступлениях о том, что с теоретической точки зрения темп прироста номинального ВВП действительно мог бы быть наиболее предпочтительным таргетом для политики центральных банков, хотя его использование сопряжено с определенными практическими трудностями, делающими переход к нему – во всяком случае пока – малореальным.

«Эконометриковерие». Наверное, с моей стороны было бы неправильно ограничиться обсуждением одних только социологических характеристик современной экономической науки, ничего не сказав о некоторых специфических эпистемологических характеристиках, которые ей присущи. Мне кажется, что одна из важнейших отличительных черт нынешнего этапа ее развития состоит в установке, которую я бы обозначил неологизмом «эконометриковерие». Речь идет о том, что для «типичного» современного экономиста эконометрические оценки являются высшей реальностью и обладают статусом истины в последней инстанции. Это тот «козырь», который побивает все остальное, будь то общетеоретические принципы, интуиция, практический опыт, доводы здравого смысла или что-либо еще. Вот лишь несколько наиболее значимых проявлений этой установки.

Если в какой-либо области исследований результаты эконометрического оценивания вступают в конфликт с общей теорией, современные экономисты, во-первых, не испытывают по этому поводу интеллектуаль-

ного дискомфорта, а во-вторых, отдают безусловный приоритет эконометрическим оценкам, полагая, что общетеоретические принципы – это условность, не имеющая прямого отношения к экономической реальности. Наглядный пример – некоторые новейшие исследования (конечно, не все) по проблеме минимальной заработной платы. В последние десятилетия появилось большое количество эконометрических оценок, из которых следует, что повышение минимальной заработной платы никак не влияет на занятость работников с низкой производительностью или даже влияет на нее положительно. Если не ошибаюсь, это единственное исключение из закона спроса, которое активно и подробно обсуждается современными экономистами. Помимо малоквалифицированной рабочей силы мне неизвестно ни одного другого товара, услуги или производственного фактора, которым была бы посвящена обширная эмпирическая литература, где доказывалось бы, что при повышении их цен объем спроса на них не уменьшается, а, возможно, даже возрастает. То обстоятельство, что это расходится с базовыми представлениями общей экономической теории, чаще всего просто обходится стороной. Большинство современных экономистов (конечно, не все) не придают таким расхождениям серьезного значения: их мало волнует, стоит ли за получаемыми эмпирическими результатами какая-либо теоретическая схема или нет. Раз из эконометрических оценок вырисовывается определенная история, значит, так оно и есть на самом деле. Если же они противоречат теории, то тем хуже для нее¹.

---

¹ Как сказано, такую атеоретическую установку разделяют далеко не все современные экономисты. Многие по-прежнему считают теоретическое осмысление получаемых эмпирических результатов необходимой и критически важной частью научного анализа. Так, нулевую или положительную реакцию занятости неквалифицированной рабочей силы на повышение минимальной заработной платы они интерпретируют как свидетельство того, что рынок труда для таких работников является монопсонистическим. (Как известно, в этом случае повышение заработной платы будет обеспечивать расширение занятости.) Но здесь стоит сделать два уточнения. Первое: если спросить тех, кто так рассуждает, на каком основании они делают вывод о существовании монопсонии для неквалифицированных работников, то последует ответ: да на том, что, как показывают эконометрические оценки, эластичность спроса на труд этих работников является нулевой или положительной! Перед нами пример циркулярной аргументации: нулевая/положительная эластичность спроса – потому что монопсония; монопсония – потому что нулевая/положительная эластичность спроса. Второе: начиная со знаменитой работы Д. Карда и А. Крюгера [Card, Krueger, 1994] подавляющее большинство современных исследований по проблеме минимальной заработной платы строятся на данных по занятым на предприятиях фастфуда. Но само предположение о том, что работники всех этих понатыканных чуть ли не на каждом углу макдональдсов, бургеркингов, пиццахатов

«Эконометриковере» приводит также к тому, что «типичный» современный экономист не чувствует потребности в общей консистентной картине мира. Реальность воспринимается им как лоскутное одеяло, когда в каждом разделе экономического анализа формируется своя особая картина мира. Сошлюсь опять-таки на работы по проблеме минимальной заработной платы. Как уже отмечалось, многие из них приходят к выводу, что повышения минимальной заработной платы либо вообще не влияют на занятость неквалифицированных работников, либо влияют на нее положительно. Иными словами, эластичность спроса на такую рабочую силу близка к нулю. Это предполагает, что график спроса на работников с низкой производительностью представляет собой вертикальную прямую или даже отклоняется немного вправо.

В то же время из большей части исследований по проблеме миграции следует, что активный приток на рынок труда мигрантов из-за рубежа практически никак не отражается на заработной плате местных работников с низкой производительностью [Pekkala Kerr, Kerr, 2011]. Это предполагает, что спрос на неквалифицированную рабочую силу высокоэластичен: в предельном случае его график может выглядеть как почти горизонтальная прямая.

«Типичный» современный экономист не ощущает какого-либо явного дискомфорта по поводу того, что эконометрические оценки в одном разделе говорят одно, а в другом – прямо противоположное, и не видит проблемы в том, чтобы верить одновременно и тем и другим. Некоторые комментаторы предлагают политико-психологическое объяснение подобной готовности к совмещению несовместимого. Это, по их мнению, не более чем отражение идеологических предпочтений экономистов, придерживающихся прогрессистских взглядов, поскольку интеллектуалы именно с такой политической ориентацией склонны выступать одновременно и за повышение минимальной заработной платы, и за ослабление ограничений на приток мигрантской рабочей силы. Но вполне возможно, что дело тут не столько в идеологии, сколько в эпистемологии.

Похоже, «типичный» современный экономист живет в мире расколотой, фрагментированной реальности, где каждый фрагмент существует по большей части отдельно от других. Раз анализ по проблеме минимальной заработной платы показывает, что спрос на неквалифицированную рабочую силу неэластичен, значит, так оно и есть; раз анализ по проблеме

и т.д. страдают от монопсонии, выглядит как сверхгероическое: если оно о чем-то и говорит, то, пожалуй, только о чрезвычайно развитом воображении тех, кто его высказывает.

миграции показывает, что спрос на неквалифицированную рабочую силу эластичен, значит, тоже так оно и есть. Для каждой области исследований свои эконометрические оценки и своя картина мира. При отсутствии потребности в общей интегрированной картине экономического универсума это едва ли удивительно.

Еще одно проявление «эконометриковерия» связано с тем, что при наличии оценок, полученных с помощью более простых и с помощью более сложных, продвинутых, «навороченных» методов, «типичный» современный экономист всегда предпочтет вторые первым. Приведу пример [Das, Polachek, 2017]. Для США оценки отдачи от образования, то есть процентного прироста заработной платы при увеличении продолжительности образования на один год, полученные простым МНК, лежат в диапазоне от 5% до 15%. Вместе с тем те же оценки, но полученные с использованием метода инструментирования, варьируют от 4% до 94%. Я подозреваю, что если спросить экономиста и неэкономиста, какая серия оценок более реалистична и заслуживает большего доверия, мы получим разные ответы. В любом случае работа, которая ограничится только оценками МНК, сегодня нигде и ни при каких условиях не будет опубликована, тогда как работа с использованием метода инструментирования будет иметь неплохие шансы на публикацию, особенно если в ней будет предложен новый, никем ранее не использовавшийся инструмент.

Наука без теории? Один из важнейших трендов последнего времени связан с появлением множества разнообразных исследований экспериментального характера и резким повышением их научного статуса. По большому счету такие чисто фактуальные, атеоретические исследования интересуют только один вопрос: является ли некое *A* причиной некоего *B*, причем, что важно, безотносительно к тому, вписывается или не вписывается получаемый результат в какую-либо концептуальную схему, поддается или не поддается он какой-либо теоретической интерпретации [De Vroey, Pensieroso, 2016]. Огромный всплеск популярности экспериментальных и квазиэкспериментальных методов наблюдался в экономике развития, макроэкономике, экономике финансов, экономике образования, экономике здравоохранения, экономике труда²; на них

---

² Кстати сказать, самая первая работа, где был сделан вывод об отсутствии какого-либо влияния повышения минимальной заработной платы на занятость неквалифицированных работников, строилась как раз-таки на квазиэкспериментальных данных [Card, Krueger, 1994].

с самого начала базировалась вся поведенческая экономика³. В настоящее время именно они задают эталон научной строгости и рассматриваются как передний край современного экономического анализа. Ученые, разрабатывающие и использующие подобные методы, составляют высшую касту сегодняшней экономической профессии, поскольку по дизайну проводимые ими исследования ближе всего подходят к тому, как строятся исследования в естественных дисциплинах.

Традиционно экономическая наука испытывала перед естественными дисциплинами своего рода комплекс неполноценности, поскольку считалось, что эксперименты в ней невозможны [Капелюшников, 2015]. Только в последние десятилетия, когда в исследовательскую практику стали активно проникать экспериментальные и квазиэкспериментальные методы, она смогла, наконец, избавиться от этого застарелого комплекса и обрести желанный статус экспериментальной (то есть «настоящей») науки. Благодаря эксперименталистике в области эмпирических экономических исследований произошла, по выражению Дж. Ангриста и Г.-С. Пишке, настоящая «революция доверия» [Angrist, Pischke, 2010]: новые методы обеспечили настолько высокое качество получаемых количественных оценок, что это далеко превзошло все, на что был способен традиционный эконометрический анализ. У экономистов появилась возможность надежно идентифицировать наличие каузальных, а не просто корреляционных связей и точно измерять силу воздействия одних наблюдаемых явлений на другие.

Общий смысл экспериментального подхода достаточно прост. В качестве объекта анализа выбираются/конструируются ситуации, когда от самого исследователя (в лабораторных или полевых экспериментах), от природы (в естественных экспериментах) или от государства (в квазиэкспериментальном контексте) исходит некое воздействие (A), которое затрагивает одну часть рассматриваемой популяции (экспериментальную

---

³ В этом же направлении в последние десятилетия сдвигалась и теория роста. В новейших исследованиях предметом наиболее активного обсуждения стал вопрос о глубинных факторах экономического развития: какие из них имеют наибольшее, а какие наименьшее значение – природные условия, институты, культура? Анализ ведется с использованием квазиэкспериментальной методологии, без попыток построения какой-либо общей теории, способной объяснить, как эти факторы взаимодействуют друг с другом и почему одни могут быть важнее других. Усмотреть какую-либо теорию за утверждением «институты важнее культуры» так же невозможно, как и за прямо обратным утверждением «культура важнее институтов». Фактически вся «теория» сводится здесь к рассуждениям и оценкам в терминах больше/меньше.

группу), но не затрагивает другую (контрольную группу). Если попадание индивидов в экспериментальную и контрольную группы происходит чисто случайным образом (наподобие подбрасывания монеты), то это позволяет эффективно решать проблему эндогенности, которая была и остается главным камнем преткновения для традиционного эконометрического анализа⁴. Для этого достаточно измерить, как у группы, подвергшейся воздействию, и у группы, ему не подвергшейся, изменилась та или иная интересующая нас характеристика (**B**). Если в экспериментальной группе она изменилась сильнее, чем в контрольной, то, значит, **A** (воздействие) явилось причиной **B** (изменения в характеристике). Таким образом, правильно выстроенный дизайн экспериментального исследования позволяет получить однозначный ответ на вопрос, является ли **A** причиной **B**, причем никакой теории в традиционном смысле в таком случае не требуется.

В качестве примера сошлюсь на одно исследование с дизайном естественного эксперимента, получившее широкое признание и удостоившееся самых высоких оценок [Almond, Mazumder, 2011]. Используемые в нем данные содержали информацию о различиях в состоянии здоровья индивидов, родившихся в разные годы, и касались мусульманского населения Уганды и Ирака, а также американского штата Мичиган. Отправным пунктом анализа служил тот факт, что во время священного для мусульман месяца Рамадан, длящегося 29–30 дней, верующим от восхода до захода солнца запрещено принимать пищу. Однако точные сроки наступления и окончания Рамадана являются плавающими, так как определяются по лунному календарю. Соответственно, в одни годы Рамадан приходится на календарные месяцы с большей, а в другие – с меньшей продолжительностью светового дня. Подобная ситуация близка к условиям рандомизированного эксперимента, поскольку женщины, ожидающие ребенка, оказываются случайным образом распределены по годам с разной продолжительностью светового дня в период Рамадана. Исследование показало, что женщины, во время беременности которых Рамадан приходился на месяцы с большей продолжительностью светового дня, рожали менее здоровых детей, чем женщины, во время беременности которых он приходился на месяцы с меньшей продолжительностью светового дня. (Особенно сильный отрицательный эффект отмечался для ранних сроков беременности.) Иными словами, более длитель-

---

⁴ В известном смысле всю современную эконометрику можно рассматривать как одну гигантскую надстройку над маршалловским *ceteris paribus*.

ные перерывы в питании будущих матерей становились причиной худшего состояния здоровья их детей. Квазиэкспериментальный характер использованных данных дал возможность с высокой степенью надежности установить существование прямой причинно-следственной связи между двумя этими явлениями⁵.

Какое отношение описанный анализ имеет к экономической теории? Вообще говоря, никакого. Его с тем же успехом мог бы провести демограф, физиолог, диетолог или специалист по медицинской статистике, ничего не смыслящие в экономике, но хорошо владеющие соответствующим техническим инструментарием.

При экспериментальном подходе, как видно даже из приведенного примера, не выбор проблем диктует выбор метода, а, наоборот, выбор метода начинает диктовать выбор проблем. Главное, в чем оказывается заинтересован исследователь, – это обнаружение (или искусственное конструирование) ситуаций, с большим или меньшим приближением воспроизводящих условия рандомизированного эксперимента. Поиск квази-

---

⁵ Можно, конечно, сказать, что в данном примере теория предоставляется другой дисциплиной – физиологией, у которой экономический анализ оказывается как бы «на подхвате». (Аналогично в знаменитой серии экспериментальных исследований о влиянии размера школьных классов на развитие способностей учащихся он оказывается «на подхвате» у педагогической психологии.) В этом смысле более чистый случай дает поведенческая экономика, где под каждый эксперимент, под каждую поведенческую аномалию принято создавать свою особую формальную модель (по сути – строить отдельную «теорию»). Проблема с таким подходом состоит в том, что для отдельно взятого эмпирического факта можно построить с десяток различных формальных моделей, описать его в терминах десятка разных «теорий». Де-факто исследовательская практика поведенческой экономики означает разрыв с гипотетико-дедуктивным пониманием природы научного знания, утвердившимся в философии науки после К. Поппера. В совсем упрощенном изложении: формулируется некая общая теоретическая схема, не подлежащая непосредственной эмпирической проверке; из нее выводится (дедупцируется) некое высказывание более низкого уровня, которое уже поддается проверке на эмпирических данных; если результаты проверки не противоречат этому эмпирическому высказыванию, то оно принимается, а вместе с ним принимается и общая теоретическая схема, из которой оно было выведено. По сути поведенческая экономика возвращается к более примитивному допопперовскому индуктивистскому пониманию науки, при котором фильтр отбора гипотез оказывается на порядок менее жестким: ведь при гипотетико-дедуктивном подходе эмпирическое высказывание «подтверждается» не только проверкой на фактах, но также и тем, что оно не противоречит, во-первых, общей теоретической схеме и, во-вторых, другим эмпирическим предсказаниям, которые из нее вытекают. (Я не выступаю здесь с «сильным» утверждением, что экономическая наука *реально* строилась как гипотетико-дедуктивная; достаточно того, что она пыталась ею быть и что большинство экономистов считали ее именно таковой.)

экспериментальных ситуаций становится ведущим мотивом научной деятельности. Но поскольку число таких случаев ограничено, внутри экономической профессии начинается расслоение по признаку успешности «охоты» за ними. Банальность или даже явная бессмысленность темы перестают быть недостатком. Для теории в этих условиях практически не остается места; если она и сохраняется, то только как реликт. В сложившихся условиях естественно ожидать, что с каждым годом удельный вес экспериментальных исследований будет только возрастать, а их привлекательность для новых поколений экономистов становиться все больше. Но тотальное господство эксперименталистики означало бы «смерть» экономической теории в традиционном смысле (хотя, конечно же, не «смерть» экономической науки как таковой).

Оскудение теоретического новаторства? Теперь я выскажу тезис, в котором, пожалуй, уверен меньше всего. У меня складывается впечатление, что для экономической науки миновала эпоха новых крупных теоретических идей. Речь идет не о разработке новых все более изощренных эконометрических методов (в этой области исследовательская активность исключительно высока), не о конструировании новых более совершенных и технически более сложных формальных моделей (в них также сегодня не ощущается недостатка), не о многочисленных эмпирических исследованиях, посвященных важным и интересным прикладным проблемам (таким, например, как измерение экономического неравенства, поляризация структуры рабочих мест, значение когнитивных и некогнитивных навыков с точки зрения повышения индивидуальной производительности труда, влияние роботизации на уровень занятости, сравнительный вклад природных условий, институтов и культуры в процесс экономического развития и многие-многие другие). Хотя по всем перечисленным направлениям имеются впечатляющие продвижения, за этим не просматривается каких-либо крупных теоретических новаций.

Я пришел к такому (вполне допускаю, что ошибочному) заключению, когда начал анализировать списки литературы к попадавшим в поле моего зрения статьям по экономике труда. Работы, посвященные технике эконометрического оценивания, включаемые в такие списки, – это, как правило, новейшие публикации, относящиеся к самому последнему времени. Работы, посвященные эмпирическому анализу тех или иных конкретных проблем, – тоже. Вместе с тем работы, задающие теоретическую рамку исследования, почти всегда датируются не позднее, чем началом 1990-х годов. Действительно, в течение примерно трех десятилетий

с 1960 по 1990 г. в экономике труда произошел настоящий прорыв и возникли теория человеческого капитала, теории дискриминации, теория внутреннего рынка труда, теория сигналов, теория поиска, теория мэтчинга, теория эффективной заработной платы, теория отложенного вознаграждения, теория турниров и многое другое. Но с первой половины 1990-х годов поток новых крупных теоретических идей начал, похоже, затухать.

Естественно, я не берусь сказать, складывалась ли ситуация в других разделах экономической теории сходным образом или нет. Но из того, что мне известно, вырисовывается в общем примерно та же картина. Поведенческая экономика? Базовые идеи были высказаны в ней в 1970–1980-е годы, а ее последующее развитие шло в основном по пути механического коллекционирования все новых и новых поведенческих аномалий и конструирования для них все новых и новых формальных моделей. Макроэкономика? Здесь период бури и натиска также пришелся на 1970–1980-е годы. В рамках макроэкономической теории, пожалуй, только анализ проблемы ZLB (zero lower bound) мог бы претендовать на то, чтобы считаться серьезной новацией последних лет. Современные экономисты пришли к выводу, что если естественная норма реального процента уходит далеко вниз в зону отрицательных значений, в то время как его фактическая норма продолжает удерживаться значительно выше этого уровня (из-за того, что номинальная ставка процента не может опускаться сильно ниже нуля), то это может провоцировать хроническую стагнацию. Но все-таки ZLB – это скорее новая важная и интересная аналитическая проблема, чем принципиально новая теоретическая идея. Уже Смит и Рикардо рассматривали теоретические аспекты подобной ситуации, хотя и не считали, что она реально возможна. Да и само использование в современном макроэкономическом анализе понятия естественной нормы процента – это не более чем возврат к викселлианской теоретической схеме, отброшенной после «Общей теории» Дж.М. Кейнса. Причем возврат к ней тоже начался не сегодня: первым о его необходимости заговорил еще М. Фридмен в своем знаменитом президентском обращении к Американской экономической ассоциации.

Стоит, наконец, отметить, что случайно или нет, но затухание потока крупных теоретических новаций хронологически совпадает с произошедшим на рубеже 1980–1990-х годов так называемым «эмпирическим поворотом» в экономической науке, который с таким энтузиазмом при-

ветствовался наиболее авторитетными специалистами по методологии экономического анализа [Colander, 2009].

Поведенческий дуализм. В последние десятилетия серьезные изменения произошли также в поведенческом («антропологическом») фундаменте экономической науки. Традиционно она исходила из представления о глубинной рациональности человеческого поведения. Базовой для всех разделов экономической теории являлась модель рационального выбора. Однако с появлением поведенческой экономики ситуация резко изменилась. Сегодня все ведущие экономисты единодушно признают исключительную важность ее идей и подходов и готовы учитывать их в своей исследовательской практике. Популярность моделей ограниченной рациональности с включением тех или иных поведенческих аномалий возрастает буквально с каждым годом.

Усвоение мейнстримом идей поведенческой экономики спровоцировало, если можно так выразиться, его «шизофреническое» раздвоение: современные экономисты начали свободно переходить от моделей с полностью рациональными к моделям с ограниченно рациональными или даже иррациональными агентами, не ощущая от этого никакого интеллектуального дискомфорта [Капелюшников, 2015]. Объясняется такое одновременное «сидение» сразу на двух стульях прагматическими причинами: модели, исходящие из предпосылки совершенной рациональности, продолжают использоваться потому, что отказ от нее может не иметь большого значения; или потому, что это чрезмерно усложнило бы анализ; или потому, что такова сложившаяся исследовательская практика и т.д. Чаще всего учет «поведенческой» составляющей ограничивается тем, что постулируется сосуществование двух классов агентов – с полной и с ограниченной рациональностью (разработка моделей с гетерогенностью экономических агентов расценивается многими как значительный шаг вперед в развитии формальной экономической теории). И хотя благодаря поведенческой экономике современные экономисты стали ясно осознавать, что реальные люди «устроены» не совсем так или даже совсем не так, как предполагается в большинстве используемых ими моделей, они не видят здесь серьезной проблемы и не выражают озабоченности сложившимся положением дел. Насколько в том или ином случае важно и нужно учитывать отклонения от принципа рациональности, зависит от характера изучаемых проблем.

Впрочем, в длительной временной перспективе подобное раздвоение экономической науки (если быть более точным – ее мейнстрима) не ка-

жется ни новым, ни уникальным [Капелюшников, 2017]. Представление о том, что модель рационального выбора всегда входила в «твердое ядро» ортодоксальной экономической теории в качестве его необходимой части, является исторической aberrацией. Сегодняшняя ситуация в экономической теории во многом воспроизводит ту, что наблюдалась в середине XX в. В тот период существовало достаточно четкое разделение: микроэкономика исходила из представления о рациональности, тогда как макроэкономика – из представления о нерациональности человеческой натуры. Достаточно вспомнить базовые идеи первоначального кейнсианства. В нем буквально все категории экономических агентов представляли как существа, иррациональные по своей природе: рабочие страдают от денежной иллюзии; потребители движимы склонностью к потреблению, которая не имеет ничего общего с оптимизирующим поведением; инвесторы подвержены частой смене иррациональных волн оптимизма и пессимизма (*animal spirit*) и т.д. Сходным образом классический монетаризм с его идеей адаптивных ожиданий также допускал, что участники рынка неспособны учиться на своих ошибках и обречены повторять их снова и снова. В результате этого на протяжении многих десятилетий XX в. экономическая наука пребывала в очень похожем состоянии шизофренической раздвоенности: если действующими лицами в микроэкономике выступали рациональные, то в макроэкономике – нерациональные экономические агенты.

В известном смысле вся эволюция макроэкономической теории после Кейнса состояла в последовательной «рационализации» основных блоков его исходной схемы – в пошаговой замене элементов иррационального элементами рационального поведения. Завершением этого процесса стала революция рациональных ожиданий, положившая конец «двоемирию» микро- и макро-, которые стали отныне строиться на общем поведенческом фундаменте – модели рационального выбора. Можно сказать, что с этого момента последние остатки иррациональности были изгнаны из экономического анализа.

Однако унификация поведенческих основ экономической науки существовала недолго. Поведенческая экономика, по существу, вернула ее в прежнее состояние «антропологической» раздвоенности. Конечно, аналогия с более ранним эпизодом является далеко неполной [Капелюшников, 2017]. Во-первых, исходно нерациональность экономических агентов присутствовала в макроэкономических моделях в неявной форме и большинством экономистов не осознавалась. В настоящее время эта пред-

посылка принимается ими вполне осознанно. Во-вторых, тогда грань между рациональным и нерациональным поведением совпадала с границей, разделявший микро- и макро-. Сейчас модели с рациональными и нерациональными экономическими агентами сосуществуют внутри как микроэкономического, так и макроэкономического анализа. В-третьих, представления о нерациональности экономического поведения, использовавшиеся в кейнсианстве и монетаризме, носили достаточно произвольный характер и были лишены какого-либо надежного эмпирического основания. Поведенческая экономика такое основание предоставила. Тем не менее этот более ранний опыт ясно показывает, что состояние «поведенческой раздвоенности» не является для господствующего течения экономической мысли чем-то аномальным.

Насколько устойчива сложившаяся в сегодняшней экономической науке ситуация поведенческого «двоемирия»? Многие авторы полагают, что она является сугубо временной и что вскоре каноническая модель рационального выбора будет окончательно вытеснена из исследовательской практики современных экономистов [Hands, 2014]. Мне такой исход представляется маловероятным [Капелюшников, 2017]. Причина достаточно проста: трудно представить, как могла бы выглядеть общая теория иррационального поведения, сравнимая по широте, полноте и степени структурированности с моделью рационального выбора. Как показывает пример поведенческой экономики, исследование когнитивных искажений неизбежно распадается на анализ множества никак не связанных между собой частных случаев. При ближайшем рассмотрении каждая такая частная модель предстает просто как каноническая модель рационального выбора с неким «бантиком» в виде той или иной поведенческой аномалии. С точки зрения аналитической стройности поведенческая экономика явно проигрывает стандартному подходу. Можно поэтому предполагать, что и в будущем методологический фундамент экономической науки будет состоять из центра в виде модели рационального выбора и периферии в виде многочисленных отступлений от нее. Маловероятно, что принцип рациональности лишится своего традиционного статуса в качестве базового методологического ориентира для экономической теории. Иными словами, «антропологический» дуализм, скорее всего, уже никогда не исчезнет из экономического анализа и навсегда останется его важнейшей отличительной чертой.

Идеология на марше. Говоря о социологических, эпистемологических и методологических особенностях экономической науки, нельзя обойти стороной и такой «скользкий» вопрос как доминирующие политические предпочтения современных экономистов. Их идеологические ориентации прямо или косвенно отражаются и на выборе проблем, которые они берутся исследовать, и на нормативных выводах, к которым они приходят, и на практических рекомендациях, которые они дают государству. (Хотя следует, конечно, признать, что проследить случаи вторжения идеологических установок в научный дискурс бывает очень непросто.)

Удобнее всего проблему политических предпочтений современных экономистов анализировать на примере США. Почему? Во-первых, потому что американская экономическая наука – «крейсер» мировой экономической науки, подавляющее большинство наиболее известных и авторитетных ученых-экономистов работают сегодня в университетах США. Во-вторых, потому что американская политическая система позволяет легко идентифицировать идеологическую принадлежность человека – исходя из того, какую из двух главных партий страны он склонен поддерживать. Наконец, большинство существующих исследований, посвященных идеологическим установкам современных экономистов, строятся на данных по США [Klein, Stern, 2007; Klein et al., 2013; Langbert et al., 2016].

Все указывает на то, что в последние десятилетия экономическая наука вслед за другими социальными дисциплинами становилась идеологически все более и более гомогенной. По данным опроса 2016 г., в настоящее время соотношение между сторонниками демократов и республиканцев среди университетских экономистов составляет 4,5:1 [Langbert et al., 2016]. Еще десять лет назад разница была намного меньше – 2,7:1 [Klein, Stern, 2007]. При этом среди экономистов моложе 35 лет преобладание сторонников демократической партии оказывается вдвое выше – 9:1 [Langbert et al., 2016]. Конечно, экономистам пока еще далеко до историков, где аналогичная пропорция составляет 34:1 (журналисты – 20:1; психологи – 17:1; юристы – 9:1). Тем не менее тренд ко все большей идеологической однородности экономической профессии налицо. Существует опасность, что это может отрицательно сказаться на конкуренции идей внутри сообщества экономистов и при определенных условиях даже привести к серьезным ограничениям свободы мысли. Идеологический диктат внутри академии – достаточно реальная перспектива, которая не сулит экономической науке в будущем ничего хорошего. С практической

точки зрения устойчивое возрастание доли экономистов с левыми или полувлевыми политическими взглядами означает, что в ближайшие десятилетия нам предстоит, по-видимому, стать очевидцами ползучего усиления государственного вмешательства в экономику, причем в самых разнообразных, подчас неожиданных формах⁶.

Макро после Великой рецессии. Обращусь, наконец, к исходному вопросу: так все же триумф или кризис? Здесь важно иметь в виду, что завывавшие во время и после Великой рецессии заявления о глубоком кризисе экономической теории на самом деле адресовались лишь одному из ее разделов – макроэкономике (среди экономистов не самого котируемого). Даже если все обстоит так, как утверждают критики, даже если макроэкономическая теория действительно находится сегодня в тупике, отсюда еще не следует, что интеллектуальное бесплодие поразило всю экономическую науку. Как остроумно заметил один автор, макроэкономика – это самый «гламурный» раздел экономической теории, поскольку в поле зрения и политиков, и широкой публики попадает, как правило, он и только он [Korinek, 2015]. Отсюда – неиссякающий поток гипертрофированных, политизированных, эмоционально нагруженных оценок, которыми на рубеже 2000–2010 гг. оказались переполнены масс-медиа во всем мире. Но такие оценки, рассчитанные на привлечение внимания публики, не обязательно должны быть верными.

Под влиянием шока от никем не прогнозировавшегося мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. излюбленным объектом критики как профессионалов, так и непрофессионалов стала основная «рабочая лошадь» современного макроэкономического анализа – динамическая стохастическая модель общего равновесия (dynamic stochastic general equilibrium model), с использованием которой сегодня строится подавляющее большинство исследований по макроэкономическим проблемам. Каковы же главные претензии, которые ей предъявляются?

Одна из наиболее популярных – нереалистичность. Но подобная претензия, как минимум, не вполне корректна. Модели DSGE являются «счетными» и при их калибровке за основу принимаются усредненные эмпирические оценки, которые следуют из имеющихся микроэкономических исследований по тем или иным конкретным проблемам (скажем, оценки

---

⁶ О преобладающей интервенционистской направленности современной экономической науки среди прочего свидетельствует тот простой факт, что при публикации работы от автора практически в обязательном порядке требуется включение в нее раздела policy implications.

эластичности предложения труда по заработной плате). В этом смысле для моделей DSGE характерна как раз-таки установка на реалистичность – по крайней мере, если говорить об исходных интенциях.

Но тогда, возможно, критики выступают с предложениями заменить модели DSGE нединамическими моделями? Нет. Вернуться к нестохастическим моделям, где нет места для неопределенности? Нет. Отказаться от учета «общеравновесных» эффектов (допустим, перейти к моделям частичного равновесия)? Тоже нет. Как ни странно, почти никто из критиков не «покушается» сегодня на ключевые конструктивные особенности моделей DSGE, которые даже ими воспринимаются как несомненные свидетельства серьезного научного прогресса [Reis, 2018]. Речь идет не столько об отказе от них, сколько об их дополнении и усложнении.

Пожалуй, основной посыл методологической критики моделей DSGE сводится к тому, что они абстрагируются от ряда важных функциональных характеристик экономической системы. Если попытаться суммировать предложения по совершенствованию моделей DSGE, которые встречаются чаще всего и пользуются наибольшей популярностью, то их список мог бы выглядеть примерно так: 1) отказ от идеи репрезентативного агента и учет гетерогенности домохозяйств; 2) раздельная трактовка потребительских предпочтений, относящихся к разным классам благ (товарам краткосрочного пользования, товарам длительного пользования, жилью); 3) переход от упрощенных моделей с агентами, имеющими бесконечный срок жизни, а следовательно, бесконечный горизонт планирования, к более сложным моделям с агентами, имеющими конечный срок жизни, а следовательно, конечный горизонт планирования; 4) отказ от предпосылки рациональных ожиданий и признание неполной рациональности экономических агентов; 5) замена (полная или частичная) экспоненциального дисконтирования гиперболическим; 6) учет не только шоков производительности, но также источников неопределенности, имеющих иную природу; 7) интеграция в макроэкономические модели финансового сектора; 8) учет эффектов экономического неравенства; 9) учет вероятного искажающего влияния налогов и государственных расходов; 10) более полный учет роли денег [Ibid.]⁷. Но, как подчеркивает Р. Рейс,

---

⁷ Некоторые более радикальные критики предлагают также отказаться от обязательного построения макроэкономических моделей на микроэкономических основаниях и вернуться к более ранней (кейнсианской) практике использования чисто эмпирических наблюдаемых закономерностей, не выводимых из оптимизирующего поведения индивидов [Wren-Lewis, 2018].

если говорить не об учебниках по макроэкономике, а об исследованиях, находящихся на переднем крае науки, то в них попытки учета всех перечисленных факторов начались еще до наступления Великой рецессии и продолжились после нее [Reis, 2018].

В этом смысле ни о каком концептуальном разрыве между докризисным и посткризисным периодами говорить не приходится. Да, кризис привел к резкому расширению проблемного поля макроэкономического анализа: причины и механизмы Великой рецессии, оценка последствий политики количественного смягчения, особенности поведения экономики в условиях ZLB – это и многое другое стало предметом активного обсуждения. Однако совершенствование аналитического аппарата макроэкономической теории шло в посткризисный период по тем же самым направлениям, что и в докризисный. Если сравнивать с тем, какое огромное влияние на ее развитие оказали Великая депрессия и стагфляция, то «интеллектуальный» эффект Великой рецессии придется признать близким к нулю⁸. Никакого поворота в принципиально иное теоретическое русло, как это было в 1930-е и затем в 1970-е годы, не произошло: сместились акценты, расширился круг проблем, изменилась атмосфера дискуссий (убавилось самоуверенности), но общая концептуальная рамка и базовый аналитический аппарат остались прежними. Органическое продолжение тенденций, начавших действовать еще задолго до Великой рецессии, означает, что сами экономисты (подчас вопреки собственным декларациям) явно не верят в то, что макроэкономическая теория находится в кризисном состоянии.

Возможно, более серьезные проблемы связаны не с концептуальными ограничениями, присущими моделям DSGE, а с существованием негласных правил их практического применения [Korinek, 2015]. Стандартная схема работы с ними включает три основных этапа: 1) на первом этапе устанавливаются исходные стилизованные факты, то есть для временных рядов макроэкономических переменных, выбранных исследователем, оцениваются те или иные статистические характеристики (такие как стандартное отклонение, авторегрессия, ковариация и т.д.); 2) на втором этапе для тех же самых переменных строится модель DSGE, которая подвергается серии стохастических шоков, генерируемых неким заданным процессом; 3) на третьем этапе производится сравнение статистических характеристик фактических и симулированных временных

---

⁸ К сходному выводу недавно пришел П. Кругман [Krugman, 2018].

рядов с целью определить степень их близости (качество фитнеса) и, если она оказывается высокой, модель объявляется успешной (она «объясняет» стилизованные факты).

Однако при более близком рассмотрении подобная исследовательская стратегия оказывается в значительной мере произвольной и конвенционалистской, то есть базирующейся на неявной договоренности внутри сообщества макроэкономистов, что считать «хорошей» практикой, а что «плохой», что есть «норма», а что нет, что признавать, а что не признавать «наукой». Так, не существует никаких объективных критериев, исходя из которых можно было бы установить, какие статистические характеристики избранных исследователем макроэкономических переменных должны учитываться в анализе, а какие нет. Это – зона чистой конвенции (иными словами – произвольного исследовательского выбора). Точно так же не существует никаких общепринятых статистических тестов, которые позволяли бы строго объективно оценивать степень близости фактических и симулированных временных рядов. Очень часто это делается вообще на глазок: на график наносятся две кривые и читатель должен сам решать, соглашаться ли ему с тем, что перед ним «хороший» фитнес, или нет. Неприятности на этом не заканчиваются: добавив к уже включенным в модель переменным еще одну, можно улучшить фитнес для них, но при этом ухудшить его для переменных, которые остались за рамками модели. Как следует поступать в такой ситуации, остается неясным. Наконец, нужно иметь в виду, что последовательно увеличивая число учитываемых в модели переменных, всегда можно достичь порога, за которым ее «хороший» фитнес сменится «плохим» [Korinek, 2015].

Экономистами, использующими модели DSGE, все эти условности проговариваются редко и крайне неохотно. Но невнимание к ним может становиться источником серьезной дезориентации как при интерпретации получаемых результатов, так и при выработке на их основе рекомендаций для экономической политики. В плане методологии столь своеобразная исследовательская практика заставляет даже задуматься, к чему макроэкономика DSGE ближе – к науке или искусству?

* * *

И в заключение – вновь к исходному вопросу. Как мне кажется, из представленных в этих заметках наблюдений следует достаточно тривиальный вывод, куда менее драматичный и сенсационный, чем можно се-

годня зачастую услышать. То, что мы наблюдаем в настоящее время в экономической науке, трудно назвать триумфом, но трудно назвать и кризисом: это – будничное рабочее состояние. Правда, следует признать, не слишком вдохновляющее, сильно регуляризованное и не сулящее больших концептуальных прорывов, если я прав в том, что эпоха новых крупных теоретических идей в экономической науке миновала, что крен в сторону атеоретичности будет в ней только усиливаться и что чем дальше, тем все более интервенционистской она будет становиться.

Литература

Капелюшников Р.И. (2015) Стратегии поведенческой экономики // Науки о человеке. История дисциплин / под ред. А.Н. Дмитриева, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Капелюшников Р.И. (2017) Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 162–166.

Almond D., Mazumder B. (2011) Health Capital and the Prenatal Environment: The Effect of Ramadan Observance During Pregnancy // American Economic Journal: Applied Economics. Vol. 3. No. 4. P. 56–85.

Angrist J., Pischke J.-S. (2010) The Credibility Revolution in Empirical Economics: How Better Research Design Is Taking the Con out of Econometrics. Cambridge (MA): NBER. NBER Working Papers. No. 15794.

Card D., Krueger A.B. (1994) Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast Food Industry in New Jersey and Pennsylvania // American Economic Review. Vol. 84. No. 4. P. 772–793.

Colander D. (2009) In Praise of Modern Economics // Eastern Economic Journal. Vol. 35. No. 1. P. 10–13.

Das T., Polachek S.W. (2017) Micro Foundations of Earnings Differences. Bonn: IZA. IZA Discussion Paper Series. DP No. 10922.

De Vroey M., Pensieroso L. (2016) The Rise of a Mainstream in Economics. Louvain: Université Catholique de Louvain. IRES Discussion Paper No. 2016–26.

Hands D.W. (2014) Normative Ecological Rationality: Normative Rationality in the Fast-And-Frugal-Heuristics Research Program // Journal of Economic Methodology. 2014. Vol. 21. No. 4. P. 396–410.

Pekkala Kerr S., Kerr W.R. (2011) Economic Impacts of Immigration: A Survey. *Finnish Economic Papers*. Vol. 24. No. 1. P. 1–32.

Klein D. B., Stern Ch. (2007) Is There a Free-Market Economist in the House? The Policy Views of American Economic Association Members // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 66. No. 2. P. 309–344.

Klein D.B., Davis W. L., Hedengren D. (2013) Economics Professors' Voting, Policy Views, Favorite Economists, and Frequent Lack of Consensus // *Econ Journal Watch*. Vol. 10. No. 1. P. 116–125.

Langbert M., Quain A.J., Klein D.B. (2016) Faculty Voter Registration in Economics, History, Journalism, Law, and Psychology // *Econ. Journal Watch*. Vol. 13. No. 3. P. 422–451.

Korinek A. (2015) Thoughts on DSGE Macroeconomics: Matching the Moment, but Missing the Point? (<https://www.ineteconomics.org/uploads/downloads/Korinek-DSGE-Macro-Essay.pdf>)

Krugman P. (2018) Good Enough for Government Work? Macroeconomics since the Crisis // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34. No. 1–2. P. 156–168.

Reis R. (2018) Is Something Really Wrong with Macroeconomics? // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34. No. 1–2. P. 132–155.

Wren-Lewis S. (2018) Ending the Microfoundations Hegemony // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34. No. 1–2. P. 55–69.

Kapeliushnikov, R. I.

On current state of economics: subjective semi-sociological observations [Text] : Working paper WP3/2018/03 / R. I. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. – 28 p. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). – 80 copies. (In Russian.)

The paper analyses recent sociological and epistemological trends in the evolution of economics as a scientific enterprise and as a social institution and tries to evaluate its current state and further perspectives. Author concludes that now there is neither triumph nor crises in modern economic science. Rather economics is in an ordinary working state though not very promising since the period of big theoretical ideas seems to be over for it, since new atheoretical tendency in it would strengthen and since in the nearest future it would become more and more interventionistic.

Препринт WP3/2018/03
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

**О современном состоянии экономической науки:
полу-социологические наблюдения**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 80 экз. Уч.-изд. л. 1,7
Усл. печ. л. 1,7. Заказ № . Изд. № 2070

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»